

Н. И. АШМАРИН И В. В. РАДЛОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

М. Р. ФЕДОТОВ

Чувашский язык по звуковому составу, морфологическому строю, по способу сочетания слов в предложении, а также словарному составу является языком тюркским и отнесение его к тюркской семье языков в настоящее время принципиальных возражений не вызывает. Между тем такое научное признание пришло к нему совсем недавно.

I. В истории чувашскому языку, надо сказать, явно не везло. Нет надобности называть здесь известных и малоизвестных историков, этнографов и, в последнюю очередь, языковедов, которые в отношении происхождения чувашского языка придерживались двух противоположных точек зрения. Одни утверждали, что чувашский язык — это настоящий, плоть от плоти тюркский язык, образовавшийся в результате многовекового развития, другие же полагали, что чувашский язык — это тоже тюркский язык, но образовался он на базе нетюркского языка. Самым ярким представителем последнего направления был акад. В. В. Радлов. Видя в чувашском языке переход тюркских палатальных гласных в гутуральные, т. е. узких в широкие, не замечаемый ни в одном из других тюркских языков, он утверждал, что такой переход мог произойти на чужой, нетюркской почве еще в то время, когда чуваша говорили на своем нетюркском языке, поэтому слова усваивались как иноязычные, напр., *ätik* > *atä*, *äläk* > *ала*¹.

¹ W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türkssprachen*, Leipzig 1882, стр. 89.

Тюркизацию чувашского языка В. В. Радлов показал на чрезвычайно простой схеме видоизменения тюркских гласных и прежде всего звука *a*.

По его теории, тюркизация чувашского языка совершилась в течение трех периодов.

В первом периоде чувашаи усваивают тюркские слова в очень искаженном виде, т. е. тюрк. *a* > чув. *ы*: *qarun* > чув. *хырӑн*, *tamur* > чув. *тымар*, *ajl* > чув. *ыйт*, *altun* > чув. *ылтӑн*.

Во втором периоде чувашаи постепенно привыкли к правильному произношению тюркских слов, и поэтому татарские слова менее искажаются, т. е. тюрк. *a* > чув.

y: *qarundas* > чув. *хурӑнташ*, *bas* > чув. *пуç*, *qazan* > чув. *хуран*, *arba* > чув. *урана*².

В третьем периоде чувашаи тюркизированы, тюркские звуки стали для них привычными, и поэтому тюркские слова выговариваются чувашами так же, как они произносятся татарами, т. е. тюрк. *a* = чув. *a*: *кашӑк*, *кашкӑр*, *капкӑн*, *пасар*.

В первое время Н. И. Ашмарин был во власти теории В. В. Радлова относительно нетюркской основы чувашского языка. Он думал, что «язык чуваш имеет какое-то отношение к финским наречиям». Для подтверждения такого предположения он указывает на аффикс множ. числа *сам*, *сем* (мар. лугов. *шамыч*) и отрицательную частицу повелительного наклонения *ан* (*ан кала*, удм. *эн вера* «не говори» от *вераны* «говорить») ³.

В предисловии к первой части «Опыта исследования чувашского синтаксиса» Н. И. Ашмарин относительно нетюркской основы чувашского языка говорит уже совсем по-другому.

«Мы знаем также,— пишет он,— что в чувашском языке, который в основе представляет собою одно из тюркских наречий, есть несомненные финские элементы,

² В своем неопубликованном труде В. В. Радлов признает, что первые два периода по времени совпадают (Alttürkische Studien VII). Вторая его поправка касается оканья и уканья в чувашском языке. По его мнению, что теперь почти всеми разделяется, в «северо-западном тюркском языке» имелся лабиализованный звук (*a^h*), который все чувашаи усвоили как *o*, произносимый как *o* сегодня еще в вирьял диалекте, который впоследствии у анатри-чуваш перешел в *y* (Alttürkische Studien VII, стр. 34—35).

³ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, стр. XIX—XXIV.

которые тоже должны были сыграть известную роль в деле пересоздания языка в ту давнюю пору, когда тюркские чуваша, поселившись на берегах Волги, стали смешиваться с жившими здесь финскими племенами. Некоторые из финских элементов чувашского языка заимствованы чувашами от их соседей черемис; последнее в особенности имело место у верховых (козмодемьянских) чуваш. Относительно причин, обусловивших присутствие инородной примеси в чувашском языке, я держусь несколько иного мнения, нежели академик В. В. Радлов. Последний объясняет своеобразный характер этого тюркского наречия тою причиною, что чуваша, не тюрки по происхождению, мало-помалу, в несколько периодов, усвоили себе тюркский язык, видоизменив его на почве собственного, ныне ими совершенно забытого языка; я же держусь в настоящее время другого мнения и думаю, что дело здесь обстояло иначе. Не чужеродцы исказили перенятое ими тюркское наречие, а тюрки (чуваша) утратили чистоту своего родного говора, прижив в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья. Мне кажется, что здесь произошел в более грандиозных размерах такой же процесс изменения языка, какой мне уже пришлось констатировать раньше у чуваш Козмодемьянского уезда, живущих на границе черемисских селений и изменивших свое наречие в силу брачных связей с горными черемисами. Впрочем, чувашские слова, перешедшие в древности в мадьярский язык, доказывают ясно, что своеобразный характер чувашского наречия уже был ему присущ и в древности, раньше IX столетия нашей эры, а, кроме того, существуют некоторые положительныя факты, позволяющие думать, что первоначальная родина чуваш была не на среднем течении р. Волги, в области финнов, а гораздо южнее»⁴.

Собственно, этим высказыванием исчерпывается, пожалуй, кредо Н. И. Ашмарина относительно эволюции чувашского языка. В последующих своих трудах специально на этом вопросе он почти нигде не останавливается.

Нет сомнения, что такая недвусмысленная точка зрения Н. И. Ашмарина хорошо была известна В. В. Радлову. (Между строк замечаю, что он к научным работам Н. И. Ашмарина относился с большим уваже-

⁴ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I, Казань, 1903, стр. V—VI.

нием. Забегая вперед, хотим сообщить, что чувашский материал в последнем неизданном сочинении В. В. Радлова стопроцентно печерпнут из «Материалов по исследованию чувашского языка» Н. И. Ашмарина. От В. В. Радлова исходила инициатива, а в последующем принятие постановления имп. Академией наук в 1917 году об издании «Образцов чувашской народной словесности» Н. И. Ашмарина, а также ходатайство перед Министерством народного просвещения о назначении Н. И. Ашмарина преподавателем чувашского и татарского языков в Казанском университете (К сожалению, ни то, ни другое не было осуществлено).

В. В. Радлов к чувашскому языку возвращается через тридцать лет. В своем неизданном труде⁵ он пишет, что постановление имп. Академии наук приступить к изданию образцов чувашской народной словесности побудило его, после более чем тридцатилетнего перерыва, снова обратить внимание на чувашский язык. «Впечатление, которое у меня сложилось в результате своих исследований об отношении чувашского к тюркским языкам,— пишет он,— я пытался в кратких чертах изложить в своей Фонетике, и сейчас,— подчеркивает он,— я всячески подтверждаю свое прежнее мнение».

В чем же заключается его непоколебимое мнение, которое он пронес через всю свою жизнь? Наиболее полный ответ на этот вопрос дан, как мы уже назвали, в его последней, неопубликованной работе:

«На основе сходства болгарских слов, встречающихся на могильных камнях, с современными чувашскими словами мы с уверенностью можем сказать, что язык болгар следует считать предыдущей ступенью современного чувашского языка и что тюркизация болгар в XIV веке шагнула уже далеко вперед. Тюркизация коренного населения Волго-Камья, как показывает нам чувашский язык, происходила по-другому, нежели тюркизация якутов. В то время как монголы и лесные урянхайцы в бассейне Лены разом были наводнены большими массами ворвавшихся тюркских племен и благодаря чему за короткое время образовался смешанный язык, в котором

⁵ Турецкие этюды (Alt-türkische Studien VII). Старотурецкие языки и чувашский язык (2-ая редакция). Работа 1916 года (лето). Лен. отд. Архива АН СССР, ф. 177, оп. I, № 30

тюркский элемент сразу выступил в доминирующей роли, в праязык чуваш, первоначально несомненно угрофинский, тюркские элементы вошли постепенно, благодаря непрерывному соседскому общению в течение более чем тысячи лет, и со временем вытеснили собственный языковой материал»⁶.

Если В. В. Радлов в словаре якутского языка Бетлингга лишь одну треть слов признает тюркскими, то в чувашском словаре Паасонена слова нетюркского или сомнительного происхождения составляют едва ли 25%, в то время как остальные 75%, безусловно, заимствованы из тюркских языков.

Зато якутскую морфологию он считает тюркской, она-де пронизана полностью агглютинацией, она прозрачна и последовательна.

Чувашские словообразовательные и словоизменительные аффиксы В. В. Радлов считает также тюркскими, но они-де не представляют стройной картины, так как эти аффиксы были заимствованы в разное время и из разных тюркских диалектов и зачастую искажены до неузнаваемости. Одним словом, В. В. Радлов повторяет здесь, разве что по-немецки, все то, что сказано было Н. И. Ашмаринным по-русски относительно «нетюркской основы» чувашского языка: в нем, по сравнению с другими тюркскими языками, наблюдаются всевозможные изменения, многочисленные сокращения и усечения, не всегда строго соблюдается закон гармонии гласных, может претерпевать изменения даже корень слова, в чувашском по сей день встречаются не тюркские по происхождению формообразующие элементы и др. Все это, по мнению В. В. Радлова, показывает, что чуваша первоначально говорили на нетюркском языке, в противном случае их язык не так резко отличался бы от тюркских языков⁷.

Мы не имеем возможности пересказать содержание всей рукописи В. В. Радлова. Во-первых, это целая монография, и, во-вторых, в пересказе нет необходимости. Судить о ней в полной мере можно будет лишь с выходом ее в свет. Но мы не хотим обойти два кардинально важных вопроса из области консонантизма, которым он также уделяет большое внимание.

⁶ Там же, стр. 6—7.

⁷ Там же, стр. 7—9.

Лямбдаизм. В. В. Радлов приводит ряд чувашских примеров, в которых конечное -л соответствует конечному -ш уйгурских слов. Как же В. В. Радлов объясняет столь характерное для чувашского языка явление лямбдаизма? Он остается верен себе: перенесением гипотетического северо-западного тюркского языка (Nord-West-Türkisch) на негюркский чувашский язык. Выходит, что этот северо-западный тюркский диалект был родствен уйгурскому, так как в последнем он находит подтверждение своей гипотезе, а именно наличие слова *tül* «сон, сновидение». Но так как в уйгурском (в остальных тюркских языках, в том числе и в *Qutadqu billig*, постоянно пишется *tüs*) рядом с *tül* встречается также *tüs ä*, например, *tül tüs ä* «видеть сон», В. В. Радлов слово *tül* считал заимствованием из какого-то нам не известного языка.

Сопоставляя уйгурское *tül* с чувашским *тёлёк* (по Радлову, *тёлёк* усвоено чувашами в форме уйгурского аккузатива. В самом деле как уйгурский аккузатив, так и аккузатив орхоно-енисейских памятников имеет аффикс -iγ, -ig, -uγ, -üg.—М. Ф.), он делает заключение, что в некоторых корневых словах конечное -ш стал переходить в -л еще в эпоху северо-западных тюркских диалектов и в этой форме вошел в чувашский язык⁸. Между тем *tül tüs ä* «видеть сон» (ДТС, 596) не является единственным примером. В древнетюркском словаре мы обнаружили еще одно парное словосочетание: *tol to s* «наполняться» (ДТС, 572), где *tol* — «наполняться», *to s* — «наполнять» (ДТС, 578). Однако вопрос о лямбдаизме остается открытым.

Явление *ротации* В. В. Радлов объясняет несколько иначе. Известно, что в середине и конце слова тюркские *d* (δ), *z*, *j* соответствуют чув. *g*. Радлов замечает, что в то время, когда северо-западный тюркский диалект был языком, слова эти перешли в чувашский язык, но переход *z* > чув. *v* совершился на почве чувашского языка, что доказывается, по его мнению, превращением перс. слова в чув. *эргэ*, которое могло произойти после X столетия и только на чувашской почве.

⁸ Там же, § 8.

Получается, что трансформация персидских слов «на чувашской почве, «первоначально несомненно финно-угорской» (Радлов), совершилась после X века.

Это противоречит общепризнанному в финно-угроведении мнению, что иранские заимствования в финно-угорские языки начали проникать очень давно, как полагают специалисты, в эпоху финно-угорской общности, когда финно-угорские этнические образования жили где-то в Восточной Европе, являясь северными соседями иранских племен. Об этом говорят несомненные иранские заимствования в марийском, мордовском, удмуртском, коми языках, вошедшие, во всяком случае, намного раньше прихода булгар на Волгу, т. е. до VII века.

Что касается слова *адіпа*, то оно усвоено чувашами не через финно-угорские языки. Наоборот, в финно-угорские языки оно пришло из чувашского языка: мар. *арня*, марГ. *ārñä*, удм. *арня*. Кроме того, персидское слово в других тюркских языках имеет три варианта: др.-тюрк. *адіпа*, башк. *адна*, кыпч.-половецк. *ајна* (*кун*), т. е. они составляют звено в цепи подобных тюркских слов, в которых наблюдается чередование *д~δ~й~р*: др.-тюрк. *ад а қ~а δ а қ~а ј а қ* «нога»~чув. *ура*, *ора*; др.-тюрк. *тудун~тудин* «титул; распорядитель»~чув. *тйрән*; др.-тюрк. *қа ді η~қа δ і η~қа ј і η*~чув. *хурән*, *хорән* и многие другие.

Нет доказательства того, что чувашская ротация произошла после X века. Нет серьезных оснований возражать, что она представляет собою наследие алтайского языкового состояния, совпадающего по времени с финно-угорской языковой общностью.

Последующие годы исследования тюркских и финно-угорских языков показали несостоятельность теории происхождения чувашского языка, предложенной в свое время акад. В. В. Радловым. Разумеется, в чувашском языке имеется большое количество финно-угорских (числом более 150), преимущественно марийских, слов. Мы, специально занимаясь этой темой, не могли найти бесспорных грамматических форм, которые бы проникли, что называется, в тело и душу чувашского языка. Что касается заимствованной лексики, то по этому поводу можно сказать следующее.

В границах истории, которые отводятся марийскому

и чувашскому языкам, эти два языка по разным причинам, особенно на почве территориальной общности и вековых традиций смешанных браков, очень сблизились. Они не могли не вызвать конвергентных явлений, которые, в свою очередь, породили дивергентные процессы, как, например, горно-марийский язык или сундырско-моргаушская группа говоров чувашского языка. Не будет преувеличением, если скажем, что значительная часть носителей северо-западных диалектов чувашского языка когда-то представляла собою финно-угорскую субстратную этническую основу, которая впоследствии была полностью или частично тюркизирована, но, как справедливо полагал Н. И. Аншмарин, при этом «тюрки (чуваша) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья». Могли происходить при таких условиях фонетические изменения во взаимодействовавших языках? Да, могли. Могли происходить при таких контактах морфологические изменения или даже приобретения? Безусловно. Мог ли массовый поток взаимопроникающей лексики влиять на структуру предложения? Мог, разумеется. Одним словом, новый языковой фактор, возникнув в определенном месте и у определенного индивида, постепенно становился массовым явлением, достигнув определенных географических пределов.

2. Остается сказать о том, как мы представляем себе происхождение и становление чувашского языка.

Известно, что слово тюрк (ит. *тукюе*) появилось как название народа в VI в. н. э., когда возникла могущественная кочевая империя, известная под названием Великий тюркский каганат. Она простиралась от Монголии и с северных границ Китая до Черного моря. Этому государству, просуществовавшему до 744 г.⁹, принадлежат так называемые рунические надписи на каменных стелах (надгробиях), монетах, металлических зеркалах, бляшках, пряслице, золотых и серебряных сосудах¹⁰.

Окончательная расшифровка орхоно-енисейских памятников датским ученым В. Томсенем в конце XIX ве-

⁹ В. В. Бартольд. Тюрки (Историко-этнографический обзор). Сочинения, том V, стр. 576.

¹⁰ А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. «Тюркологический сборник», 1970, стр. 111.

ка (1893 г.) показала, что язык обелисков с некрологами об умерших ханах можно считать пратюркским языком, но в то же время нужно особо отметить, что язык надписей от чувашского языка отличается теми же фонетическими и морфологическими особенностями, какими чувашский отмежевывается от остальных современных тюркских языков. Свойственное для общетюркского и чувашского языков фонетическое соответствие $з \sim р$, $ш \sim л$ ни в одном из тюркских памятников, начиная с орхон-снисейских (VII—VIII вв.) и до Дивану лугатит-турк Махмуда Кашгарского (XI в.), не наблюдается. Не видно этого явления и в других средневековых произведениях. В эту историческую эпоху носителей языка со следами ротацизма и ламбдаизма, что характерно также для монгольских языков, в Азии уже не было. Верна та точка зрения лингвистов и историков, что какое-то этническое объединение, говорившее примерно на языке современных чувашей, в VI—VIII столетиях, т. е. в эпоху могущества Великого тюркского каганата, было уже в Европе. Под таким этническим союзом подразумевают хазар и болгар.

К указанной эпохе следует отнести первые контакты тюркоязычных пришельцев из Азии с финно-угорскими племенами. Надо думать, что к последним принадлежали предки современных венгров (угров), мари, эрзя, мокши, удмуртов, коми, так как среди имеющихся в их языке многочисленных тюркских заимствований есть такие, которые по своему фоно-морфологическому облику весьма близки к современным чувашским словам. Приведем примеры из венгерского языка.

чув. *вйкър* (\sim монг. *ük er*) > венг. *ökör*, ср. др.-тюрк. *ögüz* «бык, вол»;

чув. *йёкёр* (\sim монг. *ekeri~ikeri~ikere*) > венг. *iker*, ср. др.-тюрк. *ekiz* «близнецы, двойня»;

чув. *пйру* (\sim монг. *birγu*) > венг. *borjú*, ср. др.-тюрк. *buzaγ, buzaγu* «теленок»;

чув. *чёр* (*куçси*) (\sim халха—монг. *түрий* «голенщик») > венг. *ter(d)*, ср. др.-тюрк. *tiz* «колени»;

чув. *хуран* (\sim монг. *хагапγа* «медный чан») > венг. *hagang* «колокольчик, бубен», ср. тат. *казан* «котел»;

чув. *сыр* (\sim монг. *jiγu*) > венг. *ír*, др.-тюрк. *jaz* «писать»;

чув. *шур, шор* (~монг. *saruk* „маг, lie, résidu“¹¹,
^v *siger* „Sumpf, Lehm“¹²) > венг. *sár* „грязь, слякоть“,
 ср. тат. *саз*.

Таким образом, язык болгар и хазар, а также тюркские элементы в венгерском языке до времени переселения венгров за Дунай (IX в.), принадлежат более древнему, по сравнению с орхоно-онисейскими памятниками, тюркскому пласту, в котором, повторяем, как в монгольских, так и тунгусо-маньчжурских языках, отразился ламбдаизм и ротацизм.

Явления ротацизма и ламбдаизма наблюдаются в языке болгарских эпитафий на камне, датируемых XIII—XIV столетиями. Слова эти, можно сказать, общепризнаны, и на основании таких слов, пусть даже немногочисленных, делается верный вывод, что чувашский язык представляет собой прямое продолжение болгарского языка или же тот и другой являются близкими диалектами одного, более древнего, прабулгарского языка. Примеры:

скр р > чув. сак(к) әр ~ др.-тюрк. *sekiz* (ДТС, 494)¹³;

т х р > чув. тәх(х) әр ~ др.-тюрк. *toquz* (ДТС, 578);

в т р > чув. вәтәр ~ др.-тюрк. *otuz* (ДТС, 374);

ж р > чув. сәр ~ др.-тюрк. *jüz* (ДТС, 288);

х и р > чув. хәр ~ др.-тюрк. *qiz* (ДТС, 449);

э р н и > чув. эрне ~ др.-тюрк. *adina* (ДТС, 11);

б л > чув. пил(л)әк ~ др.-тюрк. *bes* (ДТС, 96);

ж о л > чув. сол, сул ~ др.-тюрк. *jas* (ДТС, 245).

По мнению некоторых исследователей, «чувашский язык восходит не к пратурецкому языку, ибо ближайший предок нынешних турецких (т. е. тюркских. — М. Ф.) наречий—пратурецкий язык — был з- и ш- язык, в котором уже завершился переход ^v *r > *z, *l > *s, но к одному предку с пратурецким языком. Этот чувашско-турецкий или болгарско-турецкий праязык является гораздо более древним, чем пратурецкий язык»¹⁴. Не без учёта отличи-

¹¹ Keleti Szemle XII. Budapest, 1912/13, стр. 10.

¹² Keleti Szemle XIV. Budapest, 1914, стр. 242.

¹³ Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.

тельных признаков чувашского языка Л. Н. Гумилев пишет, что чувашаи сложились раньше, чем сами древние тюрки¹⁵.

Таким образом, современное состояние чувашского языка указывает на его древнейший характер, когда в нем основные черты консонантизма, главным образом ротацизм и ламбдаизм, определились вне связи с древнетюркскими языками VI—XIII столетий. Фактические данные, которые мы приводили выше, дают возможность рассматривать чувашский язык как особый член, в алтайской семье языков, в котором сохранились тунгусо-маньчжурские и монгольские черты, прихваченные им из Азии, быть может, еще в I—II вв. нашей эры.

¹⁴ П. Н. Поппе Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. ИРАН, 1925, №№ 9—11, стр. 426.

¹⁵ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. Москва, 1967, стр. 6.